

Только подумайте, только представьте: ровно девяносто лет каждый день где-нибудь на нашей планете — в Москве или Токио, Париже или Чикаго, Сиктивкаре или Амстердаме — играют «Вишневый сад». Тысячи Гаевых, Фирсов, Дунаш, Петь Трофимовых выходят на сцену, проживают на ней трехчасовую жизнь, полную слов и недоговоренности, игры ума и неуклюжей глупости, легких слез и тягостных улыбок, чтобы затем кануть в небытие или остаться на хрупких пьедесталах, возведенных театральными критиками. Вообразите себе длинный хоровод Раневских, впереди которого великая Ольга Леонардовна... Какие шляпки, какие духи, какие глаза! Одна эгоистка, другая инфантилка, третья воплощенная Вечная женственность. И будет имя им легион, потому что, пока существует театр и жива в нем актриса, Раневская непременно поманит ее, приоткроет перед ней свою загадочно-простенькую душу и скажет: «Ты это я». А мы с вами, зрители, однажды вечером придем на спектакль и вновь, как москвич образца 1904 года, услышим ее голос: «Без вишневого сада я не понимаю своей жизни...»

...Я не задавала Ирине Муравьевой никаких вопросов — лишь перед началом первого в жизни ее «Сада» заглянула в гримерную и тут же вышла. Актрисы там не было. Перед трельяжем, поправляя пушистые каштановые волосы, сидела и всматривалась в себя Любовь Андреевна Раневская. Через несколько минут ей предстояло прибыть из тоскливого промозглого Парижа в родное имение, увидеть милье, с детства знакомые стены и вещи, обнять брата, Варю, старенького Фирса, протянуть руки вечному студенту Пете и обронить с досадою: «Как вы подурнели и постарели», — а потом, бросившись ему на грудь в порыве неизбывного отчаяния, завывать по-бабы.

Облачко, полное огня

Ирина Муравьева играет Раневскую
в «Вишневом саду»

Изысканная, надменная, манерная? Нет — искренняя, трогательно-сентиментальная, добрая, смешливая, умная, а оттого и позволяющая себе казаться поверхностной, Раневская появилась на сцене, и все обитатели дома, как подсолнухи к солнцу, повернулись к ней своими соскучившимися по теплу и ласке сердцами. Наверное, не без умысла дал Чехов своей героине имя Любовь. Во всяком случае, Ирина Муравьева буквально излучает любовь, она переполнена ею — поцелуй и объятия, нежные слова достаются и старому слуге, и «шкапику», и «столику». Она окружена этим нежным, восторжен-

ным и любовным биополем, в котором, порой не отдавая себе отчета, купаются все, кому не лень. Даже лакей Яша, «парижский циник», ни в грош не ставящий женский пол, перед своей хозяйкой галантно благоговевает и готов хоть час, хоть два держать чашечку с кофеом, пока она не обратит на него внимания. А Лопухин, с подростковых лет сохранивший о Любови Андреевне самые трепетные воспоминания? Он и теперь, став взрослым и богатым, по-прежнему влюблен в нее. Не исключено, что и с Варей у Ермолая Алексеевича не получается романа и сватовства именно из-за этого. Увы, в его «неве-

сте» нет той легкости и простоты, которая так мила ему в Раневской. А Петь Трофимов, вальсирующий с Любовью Андреевной на балу? Нет-нет, положительно ясно, кто в «замке» королева.

Но королева помечена глубоко скрытой болью. Ирина Муравьева постоянно, на протяжении всего спектакля, несет ее в себе, что бы ни говорила, как бы ни хохотала и ни отплясывала. Боль эта — ее утонувший ребенок. Она почти не касается своей раны, но матери в зрительном зале каким-то особым чувством, роднящим всех женщин, поймут, что в Раневской сокровенная суть, а что деликатная, не дай Бог кого-нибудь расстроить, игра. Но пережитое страдание не только не озлобило ее, напротив — оно сделало еще более острым ощущение радости жизни, жалости и любви ко всему и ко всем.

Помню, в детстве, на уроке литературы, когда учительница зачитывала вслух монолог «О сад мой! После темной ненастной осени и холодной зимы опять ты молод, полон счастья, ангелы небесные не покинули тебя...», мы дружно смеялись. Так же, как и над монологом Гаева, обращенным к «многоуважаемому шкафу». Теперь мы не смеемся, потому что чуть больше знаем о жизни, в которой возвышенная сентиментальность отнюдь не самый страшный порок человечества. И Раневская для нас давно уже не «представительница обедневшего дворянства, не способного к построению нового общества деловых людей», а очень тонкий образ, соединивший в себе поэзию и прозу. Облачко, полное огня.

Когда-то современники тоже не поняли Чехова так, как он писал, как хотел быть услышанным. Владимир Немирович-Данченко даже сетовал по поводу того, что критики начала века не разглядели «необычайно нежных очертаний» «Вишневого сада». Девяносто лет спустя мы наслаждаемся этими очертаниями, скажу даже больше — мы остро нуждаемся именно в них, потому что резкие черно-белые линии способны расчертить и разять душу... Вот финальная сцена: Раневская—Муравьева и Гаев—В.Бабятинский остаются вдвоем, чтобы дать волю чувствам в последний раз в родном своем доме. Они обнимаются, плачут. А потом застывают и смотрят вперед, в неведомую жизнь. Глаза Любови Андреевны, еще недавно сверкавшие синим счастливым светом, глядят сурово и горестно. В них опять промозглый Париж, ее жертвенность, тяжелый камень, который нести и нести до скончания века.

Я рада, что Малый театр обрел Ирину Муравьеву, а она — Малый театр. И замечательно, что первым его спектаклем стал «Вишневый сад». На этой сцене его поставили двенадцать лет назад. Но ощущение премьеры не покидало во время просмотра. И Муравьева, впрочем вы это уже поняли, и В.Бабятинский, и В.Коршунов, и А.Коршунов, и А.Охлупина, и С.Харченко и В.Носик играли вдохновенно.

Играли Чехова под сенью мимолетно-прекрасного сада.

Марина МАЦКЯВИЧЕНЕ.

НА СНИМКЕ: Раневская —
Ирина Муравьева.

Фото Юрия КОЧЕТКОВА.